

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Гюнтер Бломертц

**ОТКРОВЕНИЯ
ПИЛОТА
ЛЮФТВАФФЕ**

**НЕМЕЦКАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ
НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ**

1939–1945

Гюнтер Бломертц

**Откровения пилота люфтваффе.
Немецкая эскадрилья на
Западном фронте. 1939-1945**

«Центрполиграф»

Бломертц Г.

Откровения пилота люфтваффе. Немецкая эскадрилья
на Западном фронте. 1939-1945 / Г. Бломертц —
«Центрполиграф»,

Эта книга – воспоминания летчика-истребителя германских люфтваффе, воевавшего в годы Второй мировой войны на северо-западе Франции и Бельгии. Автор, очевидец и участник событий, повествует о наиболее интересных эпизодах в истории своей эскадрильи и судьбах своих товарищей, вынужденных убивать и быть убитыми. Это рассказ о трагедии молодых немецких летчиков, которые были уверены в быстрой победе своей армии, а потом тяжело пережили свое поражение и бессилие.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Гюнтер Бломертц

Откровения пилота люфтваффе.

Немецкая эскадрилья на

Западном фронте. 1939–1945

Предисловие

Чтобы в полной мере оценить эту книгу, читатель должен иметь представление о командной структуре подразделений истребителей германского люфтваффе, а также понимать значения некоторых слов, которые необходимо оставить в тексте в их оригинальном виде на немецком языке, поскольку в русском равных им по значению не существует.

Так, самое мелкое тактическое формирование, состоящее, как правило, из двух или трех самолетов, называлось *Rotte*, а командир этого формирования – *Rottenführer* (роттенфюрер). Самое мелкое тыловое подразделение люфтваффе, которое использовалось так же, как тактическое, носило название *Schwarm*. Оно состояло из четырех или пяти самолетов. В полете им командовал *Schwarmführer* (швармфюрер). Несколько таких подразделений, обычно от трех до пяти, формировали *Staffel*, которым командовал офицер, именуемый в этой книге *Staffelkapitän* (штаффелькапитан) или иногда просто *Kapitän*, независимо от его настоящего воинского чина. Как правило, командующий этим подразделением носил звание *Hauptmann* (гауптман), или майор, и называли его просто командиром. В полете, когда он вел в воздухе свой *Staffel*, офицера именовали *Staffelführer* (штаффельфюрер). Три подразделения *Staffel* формировали *Gruppe*, чей командующий офицер был известен как *Kommandeur*, независимо от его настоящего чина в люфтваффе. Три *Gruppen* составляли *Geschwader*, самое крупное тыловое подразделение, о котором упоминается в этой книге. Командующий *Geschwader* офицер назывался *Kommodore*.

Fähnrich – квалифицированный пилот со статусом офицера, но еще не получивший воинское звание. Название этой категории можно перевести как пилот-курсант или просто курсант. В германских эскадрильях истребителей обычно был интендант. В порядке исключения он тоже носил звание *Hauptmann*, или капитан.

Fried Heil – немецкое разговорное выражение, означающее смерть.

Слово *Flugzeugführer* означает пилот.

Глава 1

Вот что сказал мне много лет назад мой отец:

– Ты хочешь быть летчиком? Теперь подумай, мой мальчик. Внизу под нами живет такая же семья, как наша: папа, мама и их ребенок. Они, так же как и мы, усердно молятся перед ужином. А ты хочешь полететь и сбросить бомбу на этих мирных людей!

– Нет, – ответил я. – Нет, папа. Я хочу быть пилотом истребителя. Тем, кто сбивает бомбардировщики.

После этих слов я протянул родителям в окно вагона поезда руки. Мама тихо плакала, а отец едва слышно произнес:

– Возвращайся невредимым, мой...

Первый полет над полями и широкими лесами, над красными черепичными крышами небольшого городка, тяжелые чемоданы, с которыми я прибыл на фронт. Ох, они были действительно тяжелыми! Я поставил их на пол и вошел в казарму с сухим и пыльным полом. Это было в Аббевилле... Неподалеку от этого городка проходила линия фронта. Стоявший передо мной худощавый человек в простой льняной летной форме – Kommandeur – был командиром аббевилльских ребят. Ярко-желтый спасательный жилет свободно висел на его плечах, а из-под воротника виднелась трехцветная полоска из черной, белой и красной частей.

– Сколько лет?

– Девятнадцать, герр майор.

Офицер выпятил нижнюю губу и несколько мгновений молча смотрел на меня.

– Есть какие-нибудь пожелания?

Эти слова прозвучали как издевательство, но у меня на самом деле было желание оказаться рядом с друзьями. Вернер и Ульрих напоминали мне о родном доме.

Раскаленный солнцем воздух дрожал над бетонными взлетно-посадочными полосами и большими участками, поросшими травой. Мне пришлось почти полчаса тащить тяжеленные чемоданы на другой конец аэродрома. Над самым горизонтом вдруг что-то сверкнуло: двенадцать истребителей должны были через несколько секунд оказаться у меня над головой. Вскоре можно было уже различить кабины, крылья и орудия – самолеты летели низко над землей, но глухого гула моторов я по-прежнему не слышал. Вскоре за стеклами кабин стали видны лица в очках. Тупые носы истребителей неслись в мою сторону. Тонкий поющий звук в одно мгновение стал громким, затем самолеты, словно гром, проревели у меня над головой и скрылись.

Я обернулся им вслед. Двенадцать хвостов с оперением единым фронтом снова взмыли высоко в небо. Так вот они какие! Томми¹ называли этих летчиков «аббевилльскими ребятами», боялись и уважали их.

– Стрелковое звено! – сказал я себе.

Самолеты вернулись. Сделав крутой вираж, они облетели поле аэродрома по кругу и стали дружно снижаться. Свист, рев и резкие хлопки сопровождали аккомпанементом вращавшиеся по инерции винты двигателей. На какую-то долю секунды машины сверкнули своими плоскими, серебристо-голубоватыми брюхами, приблизились к своим теням на траве и аккуратно приземлились на широко расставленные колеса шасси. «Может, это моя эскадрилья? – подумал я. – А может быть, Ульрих с Вернером тоже служат здесь? А вдруг они уже погибли?» Я протащил свои чемоданы немного дальше, подгоняемый радостным предвкушением встречи с друзьями.

В этот момент из расположения эскадрильи в небо медленно и неловко поднялась «железная птица». Мотор машины ревел, она направилась в мою сторону, расставив тонкие, похожие

---

¹ Томми – прозвище английских солдат.

на ноги аиста, стойки шасси, собираясь снова сесть на землю. Самолет приземлился чуть не в тридцати шагах от полосы дерна. Пилот выпрыгнул из кабины, словно клоун на представлении в дешевом шапито.

– Привет, старик! Что за зрелище предстало моему бедному, утомленному взору! Ты тоже приволок свои кости на этот рынок?

Передо мной стоял Ульрих, темноглазый резервист из запаса, с длинными, почти черными волосами. Ульрих – мой приятель с первых дней службы, носивший свою форменную майку с огромным почтением и забиравший каждый вечер в казарме на самую верхнюю койку.

– Ульрих, старина, как ты узнал, что я здесь? – пробормотал я.

– Каким ты был тугодумом, таким и остался! Как я узнал о твоём приезде? Увидел, как ты ковылял по полю, и сразу узнал твою круглую физиономию. У меня соколиный глаз, старик, соколиный! Покурим?

От Ульриха, как всегда, пахло французской туалетной водой.

– Кстати, у тебя вид заправского швейцара, – насмешливо продолжил мой приятель. – В нашей эскадрилье машины для тебя нет, но эта вполне подойдет. Простецкая, правда? Ну что, пошли?

Мы засмеялись и направились к самолету. Ульрих шел своей обычной походкой, наклонившись вперед, отчего казалось, что он упадет и уткнется носом в землю. В уголках его губ и глаз появились заметные морщинки.

– Да, сильно потрепало аббевилльских ребят, – усмехнулся Ульрих. – Сегодня вечером мы собираемся утопить нашу тоску.

– А где Вернер? – спросил я с внутренним содроганием.

– Час назад прыгнул с парашютом над Сент-Омером. Досталось ему прилично. Зенитки все брюхо пропороли. Бедняга только что вышел на связь. Возвращается с другим самолетом. Бросай свою сигарету!

Мы забрались в кабину самолета, и началось мое самое короткое в жизни воздушное путешествие. Несколько секунд спустя мы вылезли из машины и прыгнули на землю между двумя ангарами.

– Тот, который впереди, – Kapitän, – тихо пробормотал Ульрих.

Офицер вполне мог сойти за курсанта. Его молодое загорелое лицо было как у восемнадцатилетнего мальчишки. Пилоты лежали в шезлонгах между самолетами и ждали следующего вылета. Kapitän познакомил меня с каждым из них, затем Ульрих усадил меня в шезлонг рядом с собой.

Двух пилотов, сидевших справа от меня, звали Фогель и Майер 2-й. Странная парочка. Казалось, они существовали исключительно друг для друга.

– Лучшие в эскадрилье, – прошептал мой приятель, кивнув в их сторону.

Внимание летчиков вдруг привлек громкоговоритель. Ульрих напряженно вслушивался, крепко сжав губы. Сначала можно было различить только глухой гул, какой обычно бывает, когда включается электропитание. Затем голос объявил:

«Ахтунг, ахтунг!² Вражеские самолеты над Лондоном. Похоже, четырехмоторные бомбардировщики!»

Ульрих едва слышно выругался:

– Нам опять лететь.

Нервно бросив сигарету, он повернулся и направился к своей машине. Другие пилоты уже забирались в кабины.

«Готовность номер один!» – донеслось из громкоговорителя.

---

² Внимание, внимание! (нем.)

Задержавшиеся летчики тоже садились в кабины самолетов. Я стоял на крыле рядом с Ульрихом, который, сжавшись в узком кресле, пристегивал ремни.

– Покажи им! – Рассмеявшись, приятель толкнул меня в грудь.

– Покажу, – кивнул он, затем взволнованно повторил: – Покажу, покажу...

Кулаки Ульриха сжались, и я увидел, каким серьезным сделалось его лицо. Взгляд стал отсутствующим. В глазах отражалось нечто странное: не страх, а какая-то фигура с косой, направлявшаяся к нему по широкому полю. Поскольку мы с Ульрихом были давно знакомы, из-за непривычного выражения его глаз он вдруг показался мне пришельцем с другой планеты, стремившимся изучить землю и жившим среди людей с целью узнать их привычки, радости, горести, чтобы тоже стать способным любить, сражаться и погибать, как каждый смертный.

«Ахтунг, ахтунг! Эскадрилья, на взлет! Вражеские самолеты с десантом над устьем Темзы. Продувка».

Двигатели мощностью в две тысячи лошадиных сил мгновенно ожили. Поток воздуха от винтов оттолкнул меня назад, как будто восемьдесят тысяч лошадей проскакали мимо меня. Сорок маленьких, компактных одноместных машин промчались по летному полю, тяжело оторвались от земли и с нарастающей скоростью помчались навстречу врагу.

В тот же день один из пилотов нашей эскадрильи победил в своем двадцать пятом по счету воздушном бою. Вечером толпа ребят ввалилась к нам, чтобы в компании поздравить удачливого товарища. Kommandeur со своим штабом, капитаны из соседних подразделений, пилоты – все были здесь. По сравнению с утром их внешний вид сильно изменился. Вместо промасленных летных комбинезонов они надели белую или темно-синюю форму, белоснежные рубашки и согласно особому обычаю эскадрильи белые носки. Даже в Версале вы не увидите такого старательного соблюдения этикета, как здесь. Хотя, несмотря на это, беседы велись весьма вольные.

Интендант нашей эскадрильи тоже пришел. Это был майор-резервист, который всегда носил форму английского покроя. Его частенько называли «папой», и он действительно мог сойти за отца каждому из нас. Сейчас он начал рассказывать историю о «вечернем приеме», устроенном чужеземному гостю в маленьком замке неподалеку от Сент-Омера, о легендарном англичанине, который когда-то лишился обеих ног, а теперь был сбит в бою. Отважный летчик приземлился целым и невредимым, но его протезы сломались. Попавший в плен знаменитый командир авиационного крыла Бэйдер оказался среди немецких летчиков. Командир эскадрильи истребителей лично пригласил его на вечеринку.

Оба аса сидели в глубоких креслах возле камина, не сводя глаз с потрескивающих углей. Атмосфера была несколько напряженной. Все понимали чувства гостя. Неподвижные лица летчиков в тусклом свете от пылающих поленьев выглядели спокойными. Никто не проронил ни слова. Время от времени пилоты понемногу потягивали из своих бокалов, ни на минуту не забывая о соблюдении маленьких формальностей. Немцы не могут вести себя по-другому. Они оказывали честь гостю, который пренебрег тем, что у него не было обеих ног, и сражался за свою страну.

Странность ситуации и размышления о сбитом противнике вызывали у всех одинаковые мысли. Летчики проклинали войну и судьбу, которая бросает человека после его рождения в общество и заставляет приспособливаться к нему. Почему каждый из них не родился в Англии? Тогда эта страна получила бы еще много классных пилотов. Почему англичанин, сидевший у камина, не был немцем? Вероятно, он мог бы стать нашим командиром. Разве до войны мы часто не сидели за одним столом с теми, убить которых теперь являлось нашей высочайшей обязанностью? Вдруг стало совершенно непонятно, как люди с одинаковыми чувствами, желаниями и нуждами могли уничтожать друг друга.

И англичанин, вероятно, размышлял об этом, но тоже оказался не способен решить проблему и перестал думать о ней. Когда он отвел глаза от камина, летчики подняли в его честь бокалы. Затем между пленным и немецким генералом завязалась, выражаясь общим языком истребителей, дискуссия об опыте ведения воздушных боев. Такие беседы могут вести только большие друзья.

В тот же вечер гость спросил, нельзя ли доставить сюда из Англии его запасные протезы, и несколько часов спустя британский радист держал в руках радиограмму: немцы предлагали в оговоренное время организовать их самолету эскорт до места, куда следовало сбросить протезы на парашюте. Но англичане, кажется, не очень доверяли противнику, поскольку на следующий день прислали сообщение, что протезы будут сброшены в другое время и в другом районе.

Наградой нашему майору за его рассказ было внимание летчиков. Совсем недавно я слышал об этом замечательном офицере Военно-воздушных сил Великобритании, который постоянно призывал своих товарищей бежать из лагеря военнопленных. В конце концов он бежал, и некоторые даже предполагали, что наш генерал побудил его к этому. Во всяком случае, генерал от души выругался, услышав, что группу беглецов-англичан поймали.

Когда рассказчик умолк, вокруг воцарилась тишина. Немногие из моих товарищей-пилотов знали о памятном месте перед камином в замке Сент-Омера: иных уж не было на этом свете. Неудивительно, что мы молчали.

Kommandeur поднялся:

– Друзья! Аббевилльские ребята приходят, выполняют свой долг и уходят. Они следуют примеру своих павших братьев. Наши братья завещали нам свой рыцарский дух. Каждый из нас может пронести этот дух в себе и передать его следующим поколениям, даже когда неприятель празднует победу. За всех настоящих рыцарей!

Из соседней комнаты донеслись приглушенные звуки джаза. «Рыцари всегда будут существовать, в любую эпоху», – подумал я.

Глава 2

В тот же поздний вечер, держа в руках бокалы с бренди, мы с Ульрихом получили приказ на рассвете вылететь на маленький аэродром к северу от Аббевилля. Он располагался на краю леса Креши. Томми пользовались им еще в Первую мировую. Там мы должны были перехватить двух «Спитфайров»,³ которые повадились каждое утро в одно и то же время вылетать из-за горы Бижи и патрулировать побережье. Утренняя разведка, с точки зрения томми, была не очень рискованной. Эти ранние пташки чувствовали себя в безопасности. Британцы не верили, что мы сядем в самолеты в такой час. На их беспечности и строился наш расчет. По этой причине и мы и англичане обычно отправляли на такие операции молодых пилотов, «подопытных кроликов», так сказать. Это был быстрееший способ провести их крещение огнем.

Теперь «подопытным кроликом» был я. Пробило шесть утра, когда я спустил свою правую ногу с койки. Через час кто-то будет стрелять в меня, а я, вероятно, впервые в жизни испытаю свое оружие на живых людях.

Как и миллионы других, я принимал вещи такими, какими они были, и пытался отогнать тяжелые мысли. Я взглянул на свой «новый» самолет: возможно, скоро мы вместе с ним будем лежать в земле. На самом деле машина была такой старой, что можно было заподозрить, будто она обладала сознанием и опытом. Некоторые утверждали, будто этот самолет мог летать без пилота и сам стрелять по вражеским самолетам. Я надел свой халат.

В это же мгновение поступил приказ: «Англичане блокировали устье Соммы. Вылететь немедленно!»

Неприятель провел вчерашний вечер не за бокалом бренди! Я побежал к своей машине. Ульрих с выпученными глазами и в пижаме тоже понесся к самолету. Когда двигатели взревели, кто-то напялил на меня спасательный жилет и застегнул на мне ремни парашюта.

Полный газ! Уже оторвавшись от земли и полетев рядом с Ульрихом над верхушками деревьев, левой рукой я натянул на голову шлем, надел перчатки, поправил висевшие на шее наушники радики, убрал шасси, поднял закрылки, навел в кабине порядок и произвел бесчисленное количество необходимых мелких ручных регулировок.

Мы уже летели над морем в условиях видимости вряд ли больше трех километров. Вдруг сквозь влажный серый утренний туман нам навстречу ринулись два «Спитфайра». Повернуть штурвал, оценить обстановку, сделать вираж и выстрелить было делом нескольких секунд, в течение которых тело и мозг действовали с автоматической точностью: моментальная реакция на цель, для чего я готовил себя два года. Я выстрелил неосознанно и без всякой мысли о последствиях. Неприятель рухнул вниз под моим огнем. Победа! Меня охватил порыв радости и гордости. Чтобы оправиться от него, мне потребовалось несколько секунд. Наконец я повернул свой самолет и с тревогой огляделся по сторонам в поисках Ульриха. Далеко позади пулеметные очереди разрезали чистое небо: противники преследовали друг друга, совершая крутые, резкие виражи. Я не успел на помощь. В воздухе раскрылся и стал медленно опускаться маленький белый грибок. Самолет Ульриха вонзился в лес, а томми улетел восвояси.

Я стал низко кружить над своим другом, его пижама развевалась на ветру. Ульрих, похоже оставшийся невредимым, помахал мне рукой. Он едва успел приземлиться на маленькой лужайке, как к нему со всех сторон бросились наши отважные пехотинцы, чтобы захватить в плен. Очевидно, они ошибочно приняли Ульриха за сбитого врага, а меня за торжествующего немецкого летчика. Впервые после воздушного боя я от души рассмеялся: Ульрих, «пленный томми», стоял внизу в одной пижаме с поднятыми вверх руками!

---

³ «Спитфайр» – английский истребитель.

Мне пришлось переключить свое внимание на самолет и не удалось проследить за этим спектаклем дальше, но я увидел, как пехотинцы увели моего друга. Пролетев добрую часть пути к аэродрому, я оглянулся и, к своему ужасу, увидел у себя на хвосте еще один самолет, который находился уже на расстоянии выстрела. К счастью, это был не томми. Неизвестный пилот поднял руку к своему шлему, и я отсалютовал ему в ответ. Он улыбался во весь рот.

– Доброе утро, старик, – послышался голос в моих наушниках. Я снова пригляделся к незнакомцу, на этот раз внимательнее.

– Вернер! Эй, Вернер!

Мне снова пришлось повернуть голову и посмотреть вперед, но теперь я все понял. Вернер, который выпрыгнул вчера с парашютом из подбитого самолета близ Сент-Омера, возвращался теперь на новой машине в Аббевилль. Я снова взглянул на него. Он смотрел вперед и говорил, не поворачивая головы:

– Ты садишься в Аббевилле?

– Причем не очень достойно. Взгляни на это! – Я приподнял полу своего халата.

Вернер понял не сразу.

– Отличный видок! – захохотал он.

Я не понял, что Вернер имел в виду – мой халат, пижаму Ульриха или все вместе. Несколько минут спустя, когда я пошел на снижение над лесом Креши, мы снова помахали друг другу, словно после нашей последней встречи прошло не пять долгих лет, а всего несколько дней.

Ночь закончилась, и ее сменил тяжелый день. Я лежал без сна и думал о тянувшемся времени. Для большинства людей оно было привычным, лишь для некоторых имело особое значение. Сегодня, как и много лет назад, смерть и скорбь, победа и иступленный восторг случайно распределялись среди нас. Друг и враг находились под действием одной и той же иллюзии, когда скромно или с гордостью возносили к небесам мольбы, кто с просьбой, кто с благодарностью, и каждый стремился любить добро и ненавидеть зло. Мы тоже принадлежали к ним.

Время от времени мы открыто признавали бессмысленность нашей жизни. Еще чаще просто чувствовали ее. Но что в такие моменты могло поделаться отвращение, опутавшее наши тела и души и тащившее нас за собой? Положительными мотивами наших поступков в то время были родина, оставшиеся дома жены и дети, которых нужно было надежно защитить. Впрочем, такие же чувства испытывали и враги. Мы, совсем еще мальчишки, не могли полностью оценить значение происходивших событий. Судьба мчалась вперед по своей предопределенной дороге, и, хотя мы пытались защитить себя, она била нас, как ей хотелось. Я не мог преградить ей путь; и ты, который хотел убить меня сегодня утром, тоже не мог сделать это. Томми, если ты еще жив, может, уже сидишь и выпиваешь в каком-то баре в Вест-Энде? А может, ты сейчас в каком-нибудь тихом уголке оплакиваешь одного из своих товарищей по эскадрилье, погибшего ранним утром? Возможно, сейчас ты пишешь письмо его родителям или невесте, которые еще веселы и не подозревают о том, что случилось? Томми, я знаю, ты поступишь так, как я поступил бы в такой же ситуации.

С какой радостью я жал руки моих друзей! С каким сияющим лицом я выпрыгнул из кабины в то время, когда душа покинула еще теплое тело убитого мной человека. Какая гордость распирала меня до того, как по пилоту, которого я сбил, зазвонил колокол.

День прошел весело, с танцами и смехом девушек. Я хотел забыть сегодняшнее утро, стереть из памяти стоявшую перед глазами картину с кровью и светящимися на крыльях кругами. Наконец на землю опустился тихий вечер. Я очень устал, но не мог заснуть. Лихорадочные мысли все еще носились в моей голове. Неужели каждый солдат испытывал подобные чувства после того, как впервые убивал человека?

Я прислушался к ровному дыханию Ульриха. Если бы я спросил его об этом, он, наверное, рассмеялся бы.

«Последней пулеметной очередью ты спас себя!» – сказал бы мой друг с улыбкой, без иронии и легкомыслия и, совершенно точно, без грусти. Вся сцена еще стояла у меня перед глазами. Томми в своем «Спитфайре» летит впереди меня. Я не понимаю, стрелять мне в него или нет, но нажимаю на гашетку. С паузой в несколько секунд и в страшном возбуждении. Затем мы делаем виражи, крутые, насколько это возможно. Кажется, в любой момент я могу войти в штопор. Бурное море плещется в какой-то в сотне метров подо мной, и мы летим очень далеко от берега. Я пока не повис на хвосте неприятеля, и верное отклонение для стрельбы по нему еще не достигнуто. Нервы напряжены до предела. Моя жертва внезапно разворачивает машину прямо передо мной так резко, что в разреженном воздухе появляется белый след. Я реагирую мгновенно и использую свой мизерный шанс избежать столкновения. Рванув двумя руками штурвал на себя, я за долю секунды нахожу удобный для стрельбы угол. Мой указательный палец медленно нажимает на гашетку, и фюзеляж вражеской машины вспыхивает.

Самолет падает почти вертикально, но пилот отчаянным усилием у самой земли успевает восстановить управление и круто взмывает вверх – смертельный трюк. Я вижу, как он пытается выбраться из кабины, – он хочет выпрыгнуть с парашютом. Томми похож на загнанного на охоте зверя, и я душой с ним, лихорадочно молюсь за него.

Вот решающий момент! Подбитый самолет из последних сил поднимается вертикально вверх передо мной. Огромные круги на крыльях враждебно смотрят на меня, наполняя мою душу единственным чувством – ужасом. В течение нескольких секунд, решающих жизнь человека, мой палец снова нажимает на спуск, и огонь с готовностью вырывается из пушек моего самолета. Я содрогаюсь. Этого не должно было случиться. В этом не было необходимости. Но я не могу вернуть эти смертоносные жемчужины обратно; они улетели.

– Прыгай! Парень, прыгай же! – громко кричу я в отчаянии, но вместо этого вижу окровавленное тело; оно отклоняется в сторону и, обезображенное, висит в воздухе. Затем над ним смыкаются волны...

А может, это дрожь моего пальца стала причиной смерти того человека? Я не знал. И снова мне в голову пришла та же мысль: судьба следует своим путем и сбивает нас, как ей нравится. Я не мог остановить ее, и ты тоже – кем бы ты ни был.

Я повернулся на подушке и протянул руку, чтобы зажечь лампу и взять сигареты. Долго и задумчиво я смотрел на фотографию своих родителей. Может быть, завтра они будут оплакивать меня.

– Все не спишь? – тихо спросил Ульрих, хотя прекрасно знал, что я не сомкнул глаз. Он тоже лежал и смотрел в потолок. – О чем думаешь?

– О чем думаю, – немного грустно повторил я. Это был сложный вопрос. Как солдат, я сейчас должен был забыть о сердечных беседах. Но было очень легко говорить, лежа и глядя в потолок. С потолком всегда легче разговаривать по душам. – О чем я думаю, Ульрих? О томми, сбитом сегодня утром, – признался я. – В этом не было никакой необходимости. Почему он не выпрыгнул раньше?

– Ты должен забыть об этом, – ответил Ульрих. – Человек ко всему привыкает, включая и стрельбу по людям. Но даже при этом война остается отвратительным делом.

Мы помолчали.

– Знаешь, – продолжил мой друг после короткой паузы, – она гораздо отвратительнее для таких, как я, которые делают все без настоящего убеждения.

Мы не проронили больше ни слова. Не знаю, как долго мы лежали без сна, но лампа еще горела, когда рассвет разбудил нас.

Глава 3

На следующее утро шасси наших истребителей последний раз проехали по летному полю на опушке леса Креши. Работа была выполнена. Механики помахали нам руками, и мы взяли курс на Аббевилль. Мокрая от росы трава блеснула позади нас. Когда потоки воздуха от винтов пробудили верхушки деревьев, большие и маленькие обитатели леса привычно бросились наутек. Сердца птичек затрепетали, когда над ними прогрехотали сапоги-скороходы двух великанов. Затем вокруг снова воцарилась тишина.

Несколько минут спустя мы сели на ровную полосу родного аэродрома. Когда я выпрыгнул из своей машины, передо мной уже стоял Вернер. Я взглянул на него и расстроился. Мой друг казался чужим, незнакомым человеком. Пять лет изменили нас обоих. Наши дороги разошлись. Я покинул отчий дом и из школы отправился на войну, а Вернер пришел из национально-политического воспитательного учреждения. Его светлые волосы были тщательно причесаны, голубые глаза стали гораздо более серьезными, чем раньше, и он теперь выглядел настоящим гигантом. Только время могло показать, изменился ли мой друг в чем-то еще.

Мы разлеглись в шезлонгах под ярким небом в ожидании появления вражеских самолетов, играя в шахматы, в скат и без умолку болтая о чем угодно, лишь бы убить время, облегчить муки от пытки ожиданием. Ульрих уединился и что-то писал, не позволяя никому заглянуть ему через плечо. Вернер сидел рядом со мной, а по другую сторону лежали, как обычно вместе, Фогель и Майер 2-й.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.